

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Тряпьё

Перед бумажною фабрикою были свалены вороха тряпок, собранных отовсюду. У всякой тряпки была своя история, каждая держала свою речь, но нельзя же слушать всех зараз! Некоторые были здешние, другие заграничные. Одной датской тряпке случилось лежать рядом с норвежской; первая была мягкой датской, вторая суровой норвежской закваски. И вот, это-то и было самое забавное в них, с чем, наверно, согласится всякий благоразумный норвежец и датчанин.

Они узнали друг друга по языку, хотя датский и норвежский языки – по словам норвежской тряпки – так же различны, как французский и еврейский.

– Мы берём свой язык из недр народа в сыром, первобытном виде, а датчане создают себе искусственно приторный, пошлый язык! – прибавила норвежская тряпка.

Разговор вели, ведь, тряпки, а тряпка так уж и есть тряпка, из какой бы страны ни была; значение они приобретают лишь в ворохах, как тряпьё.

– Я дочь Норвегии! – продолжала первая. – И этим, я думаю, сказано довольно! Я крепка волокнами, как древние скалы старой Норвегии, страны свободной, конституционной, которая не уступит Америке! У меня волокна так и чешутся при одной мысли о том, кто я! И мысли мои звонко выливаются в гранитных словах!

– Но мы имеем литературу! – сказала датская тряпка. – Понимаете вы, что это значит?

– Понимаете? – повторила норвежская тряпка. – Ах, ты, дочь низменной страны! Поднять что ли тебя на скалы и осветить северным сиянием, тряпка ты этакая! Когда лёд тает от лучей норвежского солнца, к нам приходят датские судёнышки с маслом да сыром – благородные товары, нечего сказать! – а вместо балласта привозят с собою и датскую литературу! Мы же в ней не нуждаемся! Не диво обойтись без выдохшегося пива там, где бьёт свежий ключ! Наша литература, что твой родник, а не пробуравленный колодезь! И европейскую известностью своею она обязана самой себе, а не широким газетным гло́ткам, не кумовству, не шлянью авторов за границу! В нас говорит «нутро», и датчанам пора привыкать к этому свободному голосу, да они и так уж цепляются в своих скандинавских симпатиях за нашу гордую скалистую страну, древнейшую кочку вселенной!

– Так не позволит себе говорить ни одна датская тряпка! – сказала представительница Дании. – Это не в нашем характере. Я хорошо знаю себя, а таковы, как я, и все наши датские тряпки. Все мы добродушны, скромны, мало верим в самих себя. Этим, конечно, много не возьмёшь, но мне лично это всё-таки больше по сердцу! Могу, однако, уверить вас, что я вполне сознаю свою добротность, но только не говорю о ней. В самохвальстве меня уж никто не обвинит! Я мягка, податлива, вынослива, независтлива, обо всех отзываюсь хорошо, хотя и мало кто этого заслуживает, но это уж их дело, а не моё! Мне-то что? Я только посмеиваюсь себе, как натура богато одарённая!

– Ах, замолчите! Меня просто тошнит от вашего мягкого, липкого, клейстерного языка! – сказала норвежка и перелетела по ветру в другой ворох.

Обе стали бумагою, и случай распорядился так, что норвежская тряпка стала листком бумаги, на котором один норвежец написал любовное письмо датчанке, а датская тряпка – бумагой, на которой датчанин написал оду в честь величавой красавицы – Норвегии.

И из тряпок может выйти что-нибудь путное, раз они выберутся из общей кучи, да переродятся к лучшему, просветятся, – в этом

вся суть.

Вот и вся история. Она довольно забавна и никого не задевает, кроме – тряпья.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...